

УДК 9С18

ХОЛОД КАК МЕТАФОРА СИБИРИ (НА ПРИМЕРЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ XIX ВЕКА)

© Е. А. Дегальцева

*Бийский технологический институт**Россия, Алтайский край, 659311, г. Бийск, ул. Трофимова, 27**Тел./факс: +7(3854)36-82-47**E-mail: Katerina3310@yandex.ru*

Предлагаемая статья направлена на исследование дискурсов и репрезентаций фантазий о Сибири, находящееся в поле социальной мифологии, которое является на сегодняшний момент одним из наиболее перспективных и актуальных направлений в рамках процесса изучения идентичности. В статье указаны техники формирования различных мифов, объединивших общество в единое целое. Мифологема «Сибирь» вместе с разными сопутствующими метафорическими характеристиками (холод, снег, каторга, чистый) стала объединяющей для разных этнических и социальных групп этого края. Особую роль в конструировании концепта сибиряк имеет сибирская литература. Слагавшиеся о нем многочисленные поэтические тексты становились кодами, а коды – сообщениями в процессе коммуникации. В условиях традиционного общества крайне слабо выражен конфликт интерпретаций в трактовке символов, связанных с концептом-мифологемой Сибирь, что связано с общими мировоззренческими установками субъектов межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: региональная идентичность, холод, дискурсы, мифологемы, адаптация, коммуникация.

Рассматриваемая проблема является приложением интересов литературоведов (Ю. В. Доманский, К. В. Анисимов), антропологов (А. О. Бороноев), этнографов (А. Ю. Майничева), а с недавнего времени и историков (А. В. Ремнев, Н. Н. Родигина) [1–6]. На прошедшей в Москве в Германском историческом институте (16–18 февраля 2012г.) международной конференции «Мороз, лед и снег: Холодный климат и русская история» автор выступила с аналогичной темой. Собранных в столице участников более чем из десяти стран не испугали долгие морозы, они лишь актуализировали проблематику конференции. Тема холода, выступившего базовой метафорой у большинства докладчиков, стала связующим вектором исследований в самых разных областях: политической географии и политической антропологии, гендерной, социокультурной и региональной идентичности, адаптации и коммуникации, международной политики и дипломатии.

Метафорическое восприятие в целом создается при выражении своего отношения в переносном значении, основанном на сходстве, сравнении, аналогии. Сибирь до сих пор воспринимается как особая страна, ассоциирующаяся со снегом и морозом. Из самых распространенных ассоциаций, связанных с полиморфным понятием «сибиряк», предстают *медведь* – большой и сильный и всеобъемлющий *холод*. Эти представления на протяжении XVIII–XIX вв. в большей степени формировались на уровне обыденного сознания. Большинство из них было связано с противоречивыми мифами о Сибири, с одной стороны, для переселенцев и ее открывателей как «земле обетованной», а с другой, как стране льда и снега, «каторге». Концепт «сибиряк» при этом вобрал в себя многие мифологизированные характеристики этого края [7, 8].

В коллективном сознании и бессознательном группы судьба отважных переселенцев выстраивалась как мифологический сценарий, при этом формировались и соответствующие

представления о сибиряках и Сибири. Общественное сознание конструировалось на основе «несущей метафоры» – *холода*. Впоследствии к ней присоединилась и другая – «*тюрьма (ка-торга)*». Таким образом, мифологемам, связанным с Сибирью присущи героизация, стереотипизация, неуправляемость. Распространение неуправляемых мифов и стереотипов – иррациональных, принимаемых не веру бездоказательных представлений – является характеристикой неатомизированного, доинформационного общества. Как сказал о Сибири британский писатель Колит Туброн, «она занимает двенадцатую часть всей суши, и это все, что можешь знать об этой земле наверняка».

Собирательный образ Сибири включает множество элементов, позволяющих представить его, с одной стороны, как мифологему, а с другой – рассмотреть ментальность сибиряка как особого социокультурного типа, которая была сформулирована в качестве мифологии под влиянием, в том числе и суровых климатических условий. Как указывал Мирча Элиаде, для человека традиционной культуры миф есть «единственно верное откровение действительности» [9, с. 84]. Он рассматривал миф как наиболее значительную форму коллективного мышления. Специфика мифологического сознания при этом заключается в том, что заставляет отрешаться от частных смыслов событий и усматривать в них выражение общих архетипических смыслов.

Конкретный экзистенциальный опыт способствовал оформлению мифологемы «Сибирь» и содержащих ее образов. Суровые природные условия способствовали героизации ее образа. Колонизируемая Сибирь, так называемое *порубежье (фронтир)*, притягивало людей амбициозных, ищущих, «вытолкнутых» из традиционного общества своей страны. Это – замученные нищетой и безземельем русские крестьяне, решившиеся на поиски заветного Беловодья, гонимые раскольники, ищущие воли и земли казаки, отчаянные уголовные ссыльные и образованные политические ссыльные-вольнодумцы, предприимчивые дельцы и откровенные авантюристы. Все они, ища здесь лучшей доли, пытались в том числе и укрыться от власти. Так, на вопрос: «Чем же Вам нравится Сибирь?», сибиряк-старожил в 1912 г. ответил, что в России нет свободы, а в «матушке Сибири вольность для человека есть... Власть притеснительная слабая супротив Россейской» [10, с. 39]. Здесь четко просматривается и устоявшаяся дихотомия «Россия–Сибирь», когда одним из видовых отличий являлся имперский характер самого основания деления. Однако на самом деле Сибирь со своими огромными просторами в этом смысле представляла собой довольно зыбкий островок в подконтрольном океане имперского самодержавия. Хотя многие авторы придерживаются мнения, что «импульсы власти достигали этой глубокой периферии весьма ослабленными» [11, с. 263].

По мнению специалистов, вхождение любого народа в состав державы оказывалось стрессовым, кризисным и переломным событием в его судьбе. Пришельцы-русские, которые обосновывались на новых территориях, испытывали не меньший с местными стресс, который усугубляла и кардинальная смена привычного климата. И те, и другие, утрачивали привычные жизненные ориентиры, а формирующиеся новые модели вступали в противоречие со старыми. «В подобных исторических ситуациях, когда люди пытаются приспособиться к переменам, в массовом сознании возникает благодатная почва для складывания различных мифологем, спасительных иллюзий» [12, с. 124].

Зарубежные исследователи Сибири также подчеркивают мистическую власть русского пространства и даже говорят об *идеологии пространства*. В частности, для американ-

ских историков Ф. Хилл и К. Гэдди сложилось два ведущих образа, которыми они оперируют, – это *пространство* и *холод* [13].

Отечественными специалистами признается, что географическая отдаленность региона, специфический климатический фактор, исторические условия заселения Сибири способствовали формированию особого уклада жизни, появлению социально-психологических черт, присущих населению края, наличию региональной идентичности, проявлявшейся, в частности, в противопоставлении «сибиряки» и «российские», в восприятии Сибири как «страны льда и холода», «другой страны» [14].

К середине XIX в. колониционный процесс, шедший с запада на восток, еще не завершился. Причем с обеих сторон сначала шло упорное внутреннее отторжение «другого»: в культурно-цивилизационном, национальном, духовном, мировоззренческом смыслах. Это новое место обитания и суровые условия проживания в нем повлияли на нравы людей, прибывших в Сибирь. **Мутация** под влиянием обрушившегося холода смешивалась с **адаптацией** и приспособлением среды под себя [7].

Техники формирования различных мифов объединили общество в единое целое. Можно даже говорить о том, что мифологема «Сибирь» вместе с разными сопутствующими метафорическими характеристиками (холод, снег, каторга, чистый) стала объединяющей для разных этнических и социальных групп этого края.

Даже добровольная колонизация в Сибирь была сопряжена с массой испытаний, начинавшихся уже в пути, не говоря о потоках ссыльных и каторжных. Многие ехали с семьями до выбранного места несколько месяцев, стараясь успеть в короткий «теплый» промежуток. В дороге рожали детей, теряли мужа или жену. Когда часть пути необходимо было преодолевать водным транспортом, приходилось нередко до начала лета ждать навигации месяцами. Плыли затем по 10–15 дней в таких условиях, «под открытым небом... сколько можно было втиснуть так, что вся поверхность палубы была покрыта сидящими и лежащими человеческими телами», что положение перевозимых каторжников-арестантов было даже лучшим [15, с. 115–116].

Переносимые переселенцами и коренными жителями тяготы и страдания неизбежного и холодного края являются, пожалуй, ключом к постижению мифологизированного сознания людей той эпохи. Этот момент связан с задачей мифа устранять проблемность из восприятия жизни, делая все ее моменты осмысленными. М. Элиаде раскрывает эту черту на примере того, как мифологическое мышление снимает непереносимость страданий и ужас перед действительностью. Страдание становится непереносимым, ужасным только тогда, когда оно непонятно, необъяснимо, воспринимается как слепой рок. Чтобы справиться со страданием, человек стремился обнаружить в нем смысл. С точки зрения мифа «страдание человека имело смысл; оно всегда соответствовало если и не какому-то прототипу, то, по крайней мере, некоему порядку, ценность которого не подвергалась сомнению» [9, с. 94]. Как поясняет М. Элиаде, человек мог вынести страдания только потому, что с точки зрения его мифологического восприятия они не казались ни беспричинными, ни произвольными. Люди, ехавшие в Сибирь, искали «землю обетованную», и эта цель помогала преодолевать все невзгоды: не замечать холода, приспособливаться к долгой зиме и новому климату. Им казалось, что на новом месте их жизнь изменится к лучшему.

Потребность такого мифологического объяснения присутствует в историческом сознании человека традиционной культуры, в которой вырабатывается принцип, способствующий

щий осмыслению страданий. Они формировали особый тип человека, готового ко всяким лишениям. Суровые природные условия воспитывали у сибиряков мужество, отвагу и самоуверенность, а в конечном итоге – индивидуализм, привычку действовать в одиночку. К такому же выводу пришли и многие местные публицисты и писатели – современники описываемых событий. Суть их взгляда состоит в следующем: община в Сибири разложилась, превратившись в «общество по преимуществу индивидуалистическое; таким его воспитала бродячая жизнь и разрозненность в лесах и степях, нажива и утрата прежних социальных связей в новой стране» [16, с. 72]. Писали даже о том, что общественные инстинкты и идеи человечности «были убиты» в сибиряке борьбой с холодом, что он отвыкал от всяческих «общественных и семейных обязанностей, приучался надеяться только на свои собственные силы» [17, с. 233]. А.П. Щапов даже признал сибиряков «более корыстными и буржуазными», чем великорусский народ. О том, что община в Сибири разлагалась, писали и современные исследователи. Таким образом, холод стал не только маркером *пространства*, но и индикатором ментальных характеристик.

Героизация была не случайной, сибирякам действительно всегда приходилось быть воинами, наедине с суровым климатом, тяжелыми условиями жизни, необходимостью добывать себе пропитание. С другой стороны, существует мнение, что Сибирь своими просторами как будто умиротворяла, успокаивала переселенцев, а холод – парализовал их. Также и здешний избыток земли, где человек мог прокормиться, уводил от поисков новых мест и рискованных авантур. С другой стороны, по нашему мнению, для тех, кто не связывал свою жизнь с земледелием, необжитые сибирские просторы, занесенные дороги и многометровые сугробы, отсутствие хороших (да и вообще любых) дорог давали возможность укрыться от власти и закона.

Зимой здесь действительно как будто все замирало, зато с ранней весны начиналась активизация переселенческого движения. В 1890 г. только через Тюмень за весну и лето прошло не менее 36 тыс. человек, большинство из которых находились в крайне бедственном положении и брались за любую работу [18]. За тридцать пореформенных лет только в Западную Сибирь приехало более полумиллиона переселенцев, и в результате количество ее жителей достигло к 1897 г. 5,4 млн. человек [19, с. 24]. Всего же в Сибирь по учету чиновников с 1885 по 1903 г. переселилось около 2 млн. человек [20, с. 80].

Необходимость освоения новых территорий воспитывали у сибиряка мужество и независимость суждений. Французский журналист Ж. Легра верно уловил причину местной строптивости – «живущие в Сибири не боятся быть сосланными сюда» [21, с.14]. Это накладывало отпечаток на формирование и представлений о Сибири и сибиряках.

В более холодных районах, особенно там, где инородцев было значительно больше русских (как, например, в Якутской области), они, по мнению ряда современников, сыграли роль в изменении русского национального типа. Одних лишь юкагиров, живших около Нижнеколымска, считали обрусевшими, а в целом сложилось мнение, что русский человек там «объяскучивается» [22, с. 8]. К подобной метизации относились отрицательно, усматривая в ней причину снижения физической силы у русских. В этих районах видоизменялся и русский язык, теряя свою чистоту. Однако в большинстве районов, наоборот, обрусевшие инородцы быстрее впитывали русский язык. Н.М. Ядринцев даже заявлял, что под воздействием инородцев и природно-климатических условий на Востоке слагается новый этнографический тип. В целом же связи русских с аборигенным населением развивались как патерналистские

и цивилизаторские, хотя учиться преодолевать холод и связанные с ним трудности русским приходилось у инородцев.

Суровый климат приводил и к *суровой* простоте. Как писал в своих мемуарах тюменский купец-самоучка, миллионер Н. М. Чукмалдин, деревенский мир *вообще* и каждый крестьянин *порознь*, сохраняли добрые христианские отношения только между собой, в своем быту и обиходе. «Эта нравственная, в общем взятая суровая простота была чиста и выражалась заповедью физического неустанного труда, молитвой Богу и воздержанностью от всяких излишеств» [23, с. 56]. Н. М. Чукмалдин также отмечал резкий контраст по части торговой этики, существующей в Москве и в Сибири. Те деловые отношения, построенные на дружеских связях, к которым он привык дома, были невозможны в столицах, где в их основе стояла «сухая личная выгода, требовавшая всегда вексель или процент» [23, с. 183]. «В Тюмени, бывало, нужны деньги на неделю две, близкий человек одолжит их... на слово, без всякого документа и расписки. И деньги всегда возвращались в назначенный срок сполна. Мне не помнится случая, где бы взаимное одолжение породило какой-либо спор или неудовольство. Здесь же (в Москве – Е. Д.) господствовали совсем иные обычаи и нравы. Я мог давать деньги, но я всегда рисковал их потерять. Если же понадобился бы мне заем, хотя бы на два-три дня, никто мне денег не давал, уверяя, что их или у него нет, или требовал документы и проценты» [23, с. 182]. В Москве, как пишет предприниматель, он потерял значительную долю доверия к людям, воспитанную «сибирской жизнью и существовавшими там между людьми отношениями» [23, с. 183]. Многие другие купцы-сибиряки, работавшие в Москве, тоже постепенно усваивали новые приемы.

Другой сибирский купец, А. Д. Васенев, в своих воспоминаниях откровенно признавал, что нормы христианской морали мало пригодны для них в качестве руководства «по водворению в Монголии цивилизованных форм торговли» [24, с. 29]. Суровый климат с детства помог ему, как и многим другим предпринимателям, справиться впоследствии с нелегкими испытаниями. А. Д. Васенев в своих дневниках описывает тяжелые условия торговли и жизни русских предпринимателей в Монголии. Морозы там достигали 30 градусов и ниже, вода в небольших избушках, где проживали купцы, замерзала. Мелким торговцам и разъездным приказчикам приходилось с семьями жить в палатках и юртах, медицинскую помощь они, в случае необходимости, получали только от монгольских лам. Добираться в этот отдаленный край приходилось через горные труднопроходимые местности верхом на лошадях и верблюдах. Попадались и такие участки, где роль тракта играла узкая горная тропа, вьющаяся по крутым, нависшим над рекой, склонам. Ранней весной и поздней осенью тропа покрывалась льдом. «Даже самый искусный ездок рискует на каждом шагу упасть с лошади и убится до смерти» [24, с. 10].

Сопротивление сибирскому холоду требовало от купцов крепкого физического здоровья. Многие купцы не выдерживали – съездив в Монголию по два-три раза, потеряв здоровье, отказывались от столь выгодной торговли [8]. Только упорство и трудолюбие способствовали формированию особой группы предпринимателей, которых в Сибири называли «чуйцами» (от названия Чуйского тракта, который вел в Монголию).

Одним из важнейших факторов формирования метафоры Сибири стала ценностная направленность данного дискурса. Она формировалась через отражение в исследуемом контенте ценностных ориентаций сибиряков, проявляющихся в их деятельности, поведении,

стратегиях адаптации, образе жизни и выступающих в качестве *альтернативных* для жителей других регионов и стран.

Как справедливо отмечает А. О. Бороноев, каждый территориальный регион, его население имеет свою ментальность, которая включает представления, чувства, ценностные ориентации, традиционную систему восприятия окружающего и своих отношений [2]. Кроме того, особенность региона определяется своеобразным проявлением и сочетанием человеческих, социальных, политических и других проблем. Например, донской край он определяет проблемами воли, земли и казачества, которые нашли отражение в романах М. Шолохова, Урал – в сказках Бажова. В художественном творчестве Сибири в основном раскрывается проблема природы (в том числе *холода*) и человека.

Каждый территориальный регион, по мнению социолога, имеет свою субкультуру, свой слой чувств, представлений и ценностей, которые по своему проявляются в организации жизнедеятельности населения, в разрешении проблем, что служит основой в первую очередь художественного творчества. Особое место среди территориальных регионов для него занимает Сибирь, население которой обладает ментальностью, своеобразным историческим, нравственным, экономическим сознанием, своей субкультурой. Большое влияние на формирование особого облика Сибири, среды обитания сибиряков, создания социальных сетей, как уже указывалось, оказали климат и ссылка.

Итак, в описании концепта Сибирь сложилось две крайности. С одной стороны, отмечается *преодоление холода*, ярко выраженная индивидуальность сибиряков, стремление действовать в одиночку («каждый за себя»), кризис общины, с другой – сплоченность и коллективизм, возможность существовать только сообща, возрождение в Сибири общины. Одни говорят о зашоренности, другие об открытости и демократичности сибирской природы. Эти полярные высказывания порождены как чрезмерной идеализацией сибирского менталитета со стороны писателей с областническими взглядами, так и резким негативизмом со стороны ряда авторов – резких критиков сепаратизма, а также некоторых политических ссыльных, которые в силу личных причин, характера пребывания в крае и поверхностного взгляда не смогли дать объективной характеристики.

Таковыми крайностями была богата здешняя жизнь. Безудержная щедрость соседствовала с крайней скупостью, грубые манеры с душевной добротой, гостеприимство с осторожностью, замкнутый индивидуализм с необходимостью жить в «мире». Приезжие удивлялись тому резкому переходу («в столице вообще незаметному») от разгульной и шумной масленицы к сдержанному великому посту. Таким же резким был переход от жаркого лета к морозной зиме, иногда даже исключая из природного цикла осень и весну.

В целом, давая характеристику концепту «Сибирь», можно отметить стратегию *преодоления*, связанную с метафорами *холод* и *тюрьма*. Они в своих частностях применимы и к российской/русской ментальности в целом. Вообще анализ этих символов способствует более глубокому выражению смыслов в ментальности сибиряков, а через нее и приближает нас к пониманию российской ментальности в целом.

Идущие с разных концов Империи в Сибирь потоки позволяют говорить об открытой системе формирования уникального сибирского характера, в котором шла все же не мутация, а *кристаллизация* (напоминающая слои *льда*) отдельных черт российской ментальности. Из сплава русской старожильческой, татарской, хантыйской, мансийской, ненецкой и

других культур с традициями ехавших отовсюду переселенцев сформировался сибирский менталитет, сибирское мировоззрение и сибирская идентичность.

Анализ искусства этого края подтверждает тезис о стратегии *преодоления* в концепте *Сибирь*, в данном случае связанную с противопоставлением холоду и зиме. Многими известными писателями – авторитетами мнений той эпохи – формировалось представление о Сибири, как скучном, неразвитом крае. Так, А. Чехов, будучи проездом летом 1890 г. в Томске, назвал его скучнейшим городом [25]. Также и Семипалатинск в 1902 г. произвел на путешественника такое тягостное впечатление, что тому показалось «легче свыкаться с какой-нибудь хронической болезнью, чем с этой однообразной, лишенной всяких разумных развлечений и удобств жизнью» [26, с. 81].

Белую пустыню и вообще зимнее долгое единообразие пытались преобразить здесь яркими красками, экзотическими животными и растениями. Так, например, П. Головачев описывает жилище в одной из деревень Енисейской губернии: «Дом носил все признаки домовитости, соединенной с неряшеством. Потолки были расписаны травами, а двери – изображениями необыкновенно тощих и смешных львов и каких-то неслыханных птиц. Это была работа поляка, одного из последних могикан 1863 г. в Минусинском округе. Странствующий художник приобрел себе огромную практику и пользуется широкой известностью» [27, с. 4].

«Разбавляло» пространство и экзальтированное его маркирование на западный манер. Так, в летнее время, особенно в северных районах, был распространен водный почтовый путь. Почтовые лодки, или каюки напомнили В.М. Флоринскому, впервые оказавшемуся в Сибири, венецианские гондолы с крытым тесовым теремком посередине. Над теремком водружалась мачта с флажком и колокольчиком. Два–четыре гребца (в зависимости от состояния перевозимых тут же клиентов) и рулевой менялись в населенных пунктах [15, с. 30].

Вообще, несмотря на описываемое мемуаристами сибирское радушие и гостеприимство, позволяющее преодолеть/пережить мороз, многие из них поднимают тему закрытости (особенно купеческого) дома. Это замкнутое, тщательно оберегаемое пространство жилища более характерно для городских поселений. К началу XX в., когда мы видим наметившийся процесс преодоления холода и освоения пространства, дом как бы «открывается». Возможно, среди причин такой открытости можно назвать и отмену уголовной ссылки в Сибирь и технический прогресс, но более – активизировавшийся интерес к тому, что находилось по другую сторону собственных ворот. Эту тонкую метафизику потепления провинции смогли уловить в своем творчестве и сибирские писатели. Это «открытие» стало новым источником мифологем. К тому же появившаяся в то время печатная продукция (вывески, книги, журналы, сибирская литература) предложили новые смыслы уже сформировавшегося контента. Именно появившиеся СМИ влияли на изменение восприятия Сибири в центральных регионах России. Об этом пишет и А.В. Ремнев, по его мнению Сибирь переставала быть всероссийским пугалом: «на протяжении XIX в., хотя и медленно, шел процесс постепенного крушения стереотипа Сибири как «царства холода и мрака» [6].

Несмотря на то, что приезжим казалось, будто Сибирь «чрезвычайно богатая страна, земля необыкновенно плодородна, и *немного* надо приложить труда, чтобы получить обильную жатву», крестьяне, чтобы покорить этот суровый край, трудились не покладая рук [28]. Не менее тяжел был и труд других профессий. Как указывает В. М. Флоринский, «мы... жалею ямщиков, плетущихся по зимним ухабам, в мороз и метель, но вряд ли кто вспоминает те

невзгоды, какие выпадают на долю лекаря, учителя, или уездного чиновника, отправляемого на службу в Обдорский или Березовский округ, куда зимой можно попасть только на оленях или собаках, а летом на почтовых лодках по безлюдной реке» [15, с. 130–131]. В других странах, по его мнению, подобное плавание на сотни верст считалось бы подвигом, а в Сибири воспринималось как обычное, заурядное дело.

За мизерное годовое жалованье в 200–300 руб. эти чиновники, учителя, врачи или священники с покорным равнодушием отправлялись в глухие места и там нередко «погружались в зимнюю спячку или спивались среди *мертвящего* холода, самоедов и медведей» [15, с. 131]. В своих воспоминаниях В. М. Флоринский с горечью восклицает, что эти малозаметные люди – настоящие герои – таковыми несправедливо не считались.

Зарубежные исследователи также делают выводы об экстремальном характере русского освоения Сибири и даже определяют цену сибирского холода, которая может быть прямой и косвенной (цена адаптации) [13, с. 40–41]. Если прямая цена определяется ущербом вследствие сурового климата для строительства, развития промышленности, инфраструктуры, сельского хозяйства, рыбной ловли и в целом человеческого существования, то цена адаптации включает дополнительные расходы на обогрев зданий, особо прочные материалы и все, что защищает общество от холода. По мнению Ф. Хилл и К. Гэдди огромная площадь Российской империи не способствовала быстрому экономическому росту, а расширение ее территории во многом нарушало связность ее частей, причем это усугублялось продвижением на восток, то есть во все более холодные регионы с континентальным климатом. Сравнивая с историей экономического освоения США, Канады и Австралии авторы считают, что в отличие от перечисленных стран, довольно быстро «сконцентрировавших» население, Россия «размазала» свое население по огромной территории, жертвуя при этом как качеством условий жизни, так и экономической эффективностью строившихся в Сибири промышленных предприятий.

Цена адаптации к холоду для человеческой жизни действительно была слишком высока. Постоянная зависимость потребления от природных условий приводила к вынужденным частым голодовкам, которые чередовались у местных жителей с обжорством.

Мифологема *сибиряк*, как уже указывалось, объединяла все столь разное население этого края. Особую роль в конструировании концепта *сибиряк* имеет сибирская литература. Слагавшиеся о нем многочисленные поэтические тексты становились кодами, а коды – сообщениями в процессе коммуникации. Мотив *холода*, мороза и в целом зимы имеет и архетипическое значение в произведениях сибирских писателей, а также в русской литературе вообще. Во многих случаях мотив *зимы* сохраняет архетипическое значение негативного (темного) времени года.

Именно *зима* является главным контекстом страданий каторжников и приисковых рабочих, описываемых в произведениях сибирских писателей [29, с. 3–9]. У В.М. Михеева, например, используются такие метафоры: кошмар, тягостный (тяжкий), страдания, боль, гнетущий, страшный, скорбь, поникшие, утомленья, усталая, терпенье, умирать, тьма, тень, мрачный (мрак) [29, с. 104].

Когда Михеев описывает то свирепого волка, то таинственный Байкал, он прибегает к использованию таких символов и метафор, как снег, белый, лед и др.

Не ребенок я, Байкал,
И пришел к тебе я снова.
Ледяного не срывал
Ты с груди еще покрова;
И с презреньем *лед немой*
Говорил мне в ту минуту:
– Что, загнало, брат, в каюту
Вас житейскою волной! [29, с. 10]

У всех местных писателей мы видим разрыв пространства: Сибирь и остальная Россия противопоставлены друг другу, что еще более подчеркивает оппозиция «духота, жара/мороз, холод», где первые компоненты соотносятся с реальным миром и выступают со знаком «плюс», а вторые – со знаком «минус» – суть характеристики мифологической, ирреально-реальной жизни. Напротив архетип *лета* по утверждениям филологов включает семы оживления (у монголов и обских угров, например), тепла и блаженства (абхазская мифология), плодородия (у славян), солнца (у древних китайцев), отсутствия холода, голода, смерти, болезней [1, с. 32].

А. П. Чехов, путешествуя по Сибири летом 1890 г., заметил, что «сибирские барышни и женщины – это замороженная рыба. Надо быть моржом или тюленем, чтобы разводиться с ними шпаков» [25]. Архетипическое значение оппозиции «зима/весна» у него актуализируется в точке зрения героя рассказа «Студент»: «Ему казалось, что этот внезапно наступивший *холод* нарушил во всем порядок и согласие, что самой природе жутко, и оттого вечерние потемки сгустились быстрее, чем надо. Кругом было пустынно и как-то особенно мрачно» [30, с. 306].

С зимой как бы замирает и духовное развитие, считали и многие другие известные писатели. Как отмечал Н. Полевой, родившийся в Сибири, в своем письме другу от 1838 г.: «Чувствую, что изнашиваюсь, что тело не переносит духа, что половина меня не принадлежит уже здешнему миру, а что сделаю я одною половинкою, когда и та связана цепями, убита тягостью обстоятельств, лишена надежд, истерзана бешеными страстями и стынет в *нестерпимом холоде!*» [31, с. 98].

Символы холода и зимы становились метафорическими индикаторами концепта *Сибирь*. Функция художественно-мифологических символов, использованных в русской (и сибирской) литературе заключается в том, что эти символы, с одной стороны, служили формой для выражения понятий и представлений о сибиряке и Сибири, которые могли иметь разные смысловые грани для интерпретации, а с другой, затушевывали проблемы, связанные с преодолением холода и пространства. Поэтому расшифровка данных символов предполагает работу воспринимающего его человека в определенном временном мировоззренческом контексте.

Стабильный характер формирующейся с начала XIX в. метафорической системы концепта *Сибирь* выражается не только формально (заимствование символов прежних культурных эпох), но и содержательно (новые символы либо наполнялись прежними смыслами в контексте своей эзотеричности, либо на первый план выходил ряд значений, характерных для

символа в контексте его экзотеричности). В условиях традиционного общества крайне слабо выражен конфликт интерпретаций в трактовке символов, связанных с концептом-мифологемой *Сибирь*, что связано с общими мировоззренческими установками субъектов межкультурной коммуникации.

Итак, *холод* выстраивал ментальность, формировал восприятие человеком и себя и окружающего мира. Повседневные практики сибиряков стали фактором адаптации во всех смыслах: экономическом, культурном, политическом, социальном, ментальном. Концепт *Сибирь*, как и региональная культура в целом могут быть представлены через систему метафорических, мифологических, этнических, художественных, политических символов, способствующих формированию ряда мифологем региональной социокультурной общности. Историко-культурологический сравнительный анализ символов, связанных с *холодом* дает возможность выявить специфику не только сибирской, но и российской ментальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доманский Ю.В. *Смыслообразующая роль архетипических значений в литературном тексте: пособие по спецкурсу*. Тверь, **2001**. 109 с.
2. *Проблемы сибирской ментальности* / Отв. Редактор А. О. Бороноев. СПб.: Астерион, **2004**.
3. Анисимов К.В. Климат как «закопснелый сепаратист». Символические и политические метаморфозы сибирского мороза // *НЛО*. **2009**. № 99. С. 98–114.
4. Майничева А.Ю. *Традиции строительного дела Средневековой Руси и домостроение старообрядцев Верхнего Приобья в конце XIX – начале XX вв.* // Освоение Сибири: сохранение и трансформация русской культуры в XVII–начале XX в.: ист.-этногр. очерки. Новосибирск : ПреПресс-Студио, **2005**. С. 29–56.
5. Родигина Н.Н. *От «страны холода и мрака» к «земле обетованной»: роль дискурса о климате в конструировании образа Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в. (доклад на международной конференции «Мороз, лед и снег: Холодный климат и русская история» (16–18 февраля 2012 г.)* // Электронный документ.
6. Ремнев А.В. *Географические, административные и ментальные границы Сибири (XIX – начало XX в.)* // Административное и государственно-правовое развитие Сибири XVII–XXI веков. Иркутск., **2003**. С. 22–43.
7. Дегальцева Е.А. *Образ жизни сибиряков во второй половине XIX – начале XX вв.*: Монография. Барнаул: Изд. Алт.ГТУ, **2005**. 188 с.
8. Дегальцева Е.А. Повседневный быт населения Сибири во второй половине XIX – нач. XX вв. // *Вопросы истории*. **2005**, № 10. С. 75–86.
9. Элиаде М. *Космос и история*. М.: Прогресс, **1987**. 312 с.
10. Шиловский М.В. *Основные направления политики правительства по отношению к Сибири во второй половине XIX – начале XX в.* // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв. Новосибирск, **2003**. С. 39–50.
11. Королев С. Края пространства. Российская граница: генезис и типология // *Отечественные записки*. **2002**, № 6. С. 260–273.
12. Трепавлов В.В. «Большой хозяин». Русский царь в представлениях народов России XV–XVIII веков // *Отечественная история*. **2005**, № 3. С. 122 – 130.
13. Fiona Hill, Clifford Gaddy. *The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold*. Wash., D.C.: Brookings Institution Press, **2003**.
14. Сверкунова Н.В. *Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования*. СПб: Изд-во НИИ химии Санкт-Петерб. ун-та, **2002**.
15. Флоринский В.М. Заметки и воспоминания // *Русская старина*. **1906**. № 4. С. 115–136.
16. Ядринцев Н.М. *Сибирь как колония*. СПб., **1882**.
17. Потанин Г.Н. *Роман и рассказ в Сибири* // Литературное наследство Сибири. Т.7. Новосибирск, **1986**. С. 233–250.
18. Латышев В. От Комитета Общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам // *Русский начальный учитель*. **1891**. № 4. С. 151.

19. Горюшкин Л.М. Место Сибири в жизни России и мировом развитии во второй половине XIX – нач. XX в. // *Гуманитарные науки в Сибири*. **1994**. № 2. С.5–9.
20. Рубакин Н. *Рассказы о Западной Сибири*. М., **1908**.
21. Легра Ж. *Томск* // Труды ТОКМ. Томск, **2000**. С.10–23.
22. Рябков П. *Полярные страны Сибири (Заметки и наблюдения в Колымском округе)* // Сибирский сборник. **1887**. С.8–18.
23. Чукмалдин Н.М. *Мои воспоминания. Избранные произведения*. Тюмень, **1997**.
24. *Сибирский купец А.Д. Васенев*. Часть первая. Дневники. Барнаул, **1994**.
25. *Сибирская жизнь*. **1908**. 25 января.
26. Н.С. *По семипалатинским горам и степям* // Сибирский сборник. Иркутск, **1903**. С.81–90.
27. Головачев П. *У сибирских староверов и сектантов* // Оттиск из № 43 Тобольских губернских ведомостей за **1896** г. (№ 41, с.1021–1023; № 43, с. 1054–1056). С. 4–11.
28. Анненкова П.Е. *Записки жены декабриста*. Петроград: Прометей, **1915**. 166 с.
29. Михеев В.М. *Песни о Сибири*. Иркутск, **1938**.
30. Чехов А.П. *Полн. собр. соч. и писем в 30 тт.* Сочинения. Т.8. М., **1986**.
31. Полевой Н. *Избранные произведения и письма*. Л.: Художественная литература, **1986**.